

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ЗЕМЛЯ- СОРТИРОВОЧНАЯ

Алексей Викторович Иванов

Земля-Сортировочная

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60124183
Алексей Иванов Земля-сортировочная:

Аннотация

Сонная жизнь посёлка Сортировка тянется как обычно: работа на станции, огород, магазин, самогонка. И вдруг оказывается, что каждый второй житель Сортировки на самом деле – инопланетянин! Идёт галактическая война, инопланетяне ловко маскируются под землян, и всякая обывательская передрыга на самом деле является боевой акцией пришельцев. Это уже не боевик, а комедия.

Содержание

Глава 1. Как я решил про все про это написать	4
Глава 2. Как я наслушался ерунды	8
Глава 3. Как мы были у Карасева	14
Глава 4. Как расстреляли слесаря Половинкина	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Иванов

Земля-сортировочная

Глава 1. Как я решил про все про это написать

Если бы к северу от нас не было Старомыквинска, то мы бы назывались Новомыквинск-сортировочный. А если бы на юге не было Новомыквинска, то Старомыквинск-сортировочный. Но оба они есть и там, и там, поэтому мы называемся просто Сортировка.

Вся история с космическим десантом и повстанцами тут у нас и произошла. Все ее знают, и с разными подробностями. Но она как-то мимо жизни проходит. Ни астрономы к нам никакие не приезжали, ни в газетах не писали. Словно ничего и не было вовсе. Когда два года назад у нас сошел с рельс пассажирский поезд, то комиссия сказала, что про это в газетах сообщать не будут, потому что это особенный случай. А про особенное не пишут, потому что все люди живут нормально. Только у нас ненормально. Поэтому и космонавты прилетели. Короче, в стране о нашей истории мало знают, и я решил написать ее ну типа как повесть научно-фантастическую.

Вообще-то я фантастику читаю много. Но только вот настоящие писатели про пришельцев все как-то не так пишут. Нет, конечно, интересно, зыко, но не так. Наш с Барбарисом друг Леха Коробкин (он сейчас в армии) сказал, что это потому, что они интеллигенты, а мы рабочий класс и имеем доступ к средствам производства, к той же железной дороге, например. У писателей все пришельцы почему-то на мечях стражаются, и всякие параллельные миры. А на самом деле у всех событий и причины другие, и происходят они по-другому. Пришельцы, к примеру, прибыли к нам не из параллельного мира, а из космоса, их там дофига. И пластались они не мечами (хотя среди них были и принцы даже), не бластерами, а так, что уж под руку подворачивалось – ну, доской там, кулаком или кирпичом зафитилят. Мужики наши говорили потом, что и бластерами тоже, но я смотрю утром – у кого фонарь, у кого зуба нет. Просто они в запале не разбирались. Да и ладно, не в бластерах дело. Короче, я не писатель, и расскажу правду.

У нас на Сортировке железных дорог тьма. Сколько я не считал, какую-нибудь, да забуду. Значит, так: две ветки на Старомыквинск и Новомыквинск, потом на запад, еще на юг, на рудник, затем старая колея, затем на паровозное кладбище, на кольцо – в общем, целый кубик Рубика, не разберешься. Станция у нас крупная, вокзал большой, а народу на нем мало. Летом еще куда ни шли, а зимой совсем никого.

Из водоемов у нас только река Мыква. Она узкая, грязная

и мутная, потому что течет с карьеров. Там, где ее пересекает улица Мартина Лютера Кинга, еще при Николае Кровавом сделали плотину, и в центре поселка у нас образовался пруд. Вода в нем отстаивается, и поэтому он чистый. А далеко в лесах протекает окончательно чистая речка Тиньва. Кроме Мыквы и Тиньвы, у нас есть еще Пантюхин овраг. Внутри он весь зарос кустами и бурьяном. Весною в нем течет бурный поток, а летом пересыхает. Мы гуляем в кустах и ищем, чего он принес – сапоги, корзины, тряпки. Леха Коробкин однажды нашел целый скелет то ли кошки, то ли зайца (задние ноги отвалились, а в остальном скелетом еще можно было пользоваться). Он запутался и висел на кусте малины. Больше в овраге ничего хорошего нет.

Ну, что еще можно сказать про Сортировку?.. Есть автостанция, клуб, столовка, библиотека, школа, детский сад... Если, конечно, какой-нибудь пацан бы к нам приехал, я бы еще много интересного показал и рассказал. А в книжке писать про это не стоит, да и к пришельцам не относится.

Пришельцы у нас своими делами занимались и к людям не вмешивались. От них вроде и следов не осталось. Ну, конечно, тетка Рыбец кабана-то не вернула, ну дак он все равно на ворованных помоях разжирел, и по нравственному закону его быть не могло. Бунька оправилась, а полезный аппаратец у Карасева и вправду увели. Про денежный поезд сказали, что авария, а все остальное уже совершенно ерунда. Никто не погиб, мужики вернулись, а прочее никого не касается.

Осталось еще сказать, что у нас в Сортировке почти все работают на железной дороге. Мои папка и мамка проводники в Читинском экспрессе. Когда все произошло, они уехали в рейс, а я жил у соседей – тети Клавдии и дяди Толи Поповых. Ихний сын Борька, которого еще Леха Коробкин прозвал Барбарисом, мой друг. Ну, не так, чтобы очень, а средне. Вот. Больше сказать, вроде, нечего.

Р. С. Я, наверна, неправильно сделал, что повистуху начел так просто. У настоящих писателей вот сначала ничево не понятна. Все кудато прячуца, грусьтят, и кто до этово погиб. Ну, ладно, у меня, может, творчиская манера другая, без выкрутасов. Я читателей заинтересововать не собираюс. Не захочут так четать – сами дураки, и все. Зато у меня взаправду было.

Глава 2. Как я наслушался ерунды

Я проснулся от воя Красноярского скорого. Вой пронесся над сеновалом и улетел, только гул упрямо дрожал вдали, как струна, пока не растаял вовсе.

Мы с Барбарисом спали на цветастом, засаленном одеяле, брошенном поверх колючего сена, и укрывались другим одеялом байковым, тощим, злобным, с фиолетовой железно-дорожной печатью в углу. Наш коровник (вместе с сеновалом над стойлом) был насквозь просвечен солнечными лучами. Внутри клубилось светящееся облако сенной трухи, да сквозь настил снизу поднимался будоражащий коровий дух, тяжелый, как мед.

Я перелез через Барбариса, взрывая сено, добрался до лестницы и спустился вниз. Чтобы Барбарис учился прыгать, лестницу я оттащил в сторону. Она была сверху увесистая, как парус.

На дворе было жарко и безветренно. Тополя на улице от пыли померкли и осели. Вдали яростно пылала новая цинковая крыша на доме Лютиковых. Со станции доносились невнятные крики и стук. За дом от нас кто-то звонко колодил гвозди, ровно по три удара на каждый – дыц! дыц! дыц! – дыц! дыц! дыц! – потом раздался вопль, вырванный из груди неверным ударом молотка, и все сонно затихло, словно утонуло, выпустив вверх как последний пузырь круглое облако.

Рядом с коровником торчал угловатый короб из ржавой стальной сетки. В коробе, пища и качаясь, суетливо бегали цыплята. Около короба, наблюдая, сидел кот Мотька.

Мотькой (то есть Мотиком) его прозвал Барбарис, потому что у него на морде (у кота, конечно) были черные очки, как у мотогогонщика. Барбарис был помешан на мотоциклах. Он все знал про них, вырезал все картинки с ними из журналов в библиотеке, набился в помощники и приятели всем мотоциклистам нашей Сортировки: и дяде Андрею Зацепе, и Сморгину, и бригадиру Орленко, и Мишке Чуркину, и потомственному рабочему Илье Петровичу Флангу, и Адидасу Тимур-Заде, который почти не говорил по-русски, и даже участковому лейтенанту дяде Лубянкину, хотя у того мотоцикл был очень старый и бывший государственный.

Барбарис до трепета и тоски мечтал обладать двухколесным, грохочущим, бензиновым конем, мечтал однажды пролететь по улице Мартина Лютера Кинга на огнедышащем, сотрясающем мир чудовище без глушителя, передавив при этом всех гусей и засыпав поселок комьями грязи. Подружившись с Лехой Коробкиным, Барбарис загордился, и мне пришлось выколотить из него гордость кулаками и черенком от лопаты. Только после этого Барбарису все равно раз в четверть снилось, как перед армией на своем свирепом «Чизете» Леха Коробкин промчался прямо по железнодорожному мосту через Мыкву.

(Тогда навстречу ему из Новомыквинска шел состав, но

Леха лишь увеличил скорость. Состав экстренно тормозил, визжа на всю область, а Леха соскочил с колеи только перед самым его носом и по косогору помчался в лес. Машинист Залымов на ходу выпрыгнул из локомотива и устремился за Лехой, сея опустошение на своем пути. Но Леху он не догнал, хотя пробежал несколько километров и сломал молодую сосну.)

Вспоминая Леху Коробкина, я повесил ведро на клюв колонки с ружейной мушкой на конце, отполированным рычагом накачал себе воды и переставил ведро на черную, разбухшую скамейку рядом. Потом я разделся. Вдали, в мареве, где медленно плавали столбы и семафоры станции, переливчато затрубил Ленинградский поезд и, не останавливаясь, забарабанил на стыках. Вода в ведре задрожала, закачалась, размазав косматое, нестерпимое солнце. Я поднатужился, поднял ведро с солнцем и опрокинул на себя.

Вернувшись в коровник, я увидел, как сверху, с сеновала, сиганул вниз толстый Барбарис и врезался в землю, как Тунгусский метеорит.

– Ерепена крача!.. – очень тихо сказал он.

Я вообще-то редко мучаю Барбариса, но иногда просто не могу удержаться. У меня чувство юмора такое. И, в конце концов, ну почему он такой толстый, нерешительный и неумелый?

Я помог ему доковылять до кухни. Тетя Клавдя уже приготовила завтрак. На кухне было тесно, но чисто. Печку дя-

дя Толя весной побелил. На столе, покрытом исцарапанной клеенкой с розами, под полотенцем млели блины и сметана. На окошке трепетала марля, на стенке тикали ходики, и с творога, откинутого в платочек, на рукомойник звонко падали мутные капли.

– Борьк! Вовк! – крикнула нам из комнаты тетя Клавдя. – Блины на столе, ешьте все!.. А я посижу тут, поговорю вон с Марусей Меркиной...

– Здравсьте, теть Марусь!.. – крикнули мы за стенку, усаживаясь.

– Здравствуйте, ребятки! – фальшивым голосом отозвалась Меркина.

– Вовк, ты не стесняйся, ешь как Борька, он у нас простой, – добавила неутомонная тетя Клавдя. – Борьк, а ты блины на стол не ложи!

– Не, – ответил Барбарис, скатывая трубочкой расстеленный на клеенке блин.

– Чего у Меркиной стряслось? – шепотом спросил я у Барбариса.

– А я почем знаю? – пожал плечами нелюбопытный Барбарис, макая блин в сметану до самых пальцев.

– Вот, Клавдь, я и говорю, – тихо забубнила Меркина за стенкой. Голос ее был дрожащим, потому что она всегда рыдала над плохими сплетнями, переживала их и верила им, как программе «Время». – Рожу так скрючил и говорит мне – знаешь ведь, как он умеет, так, с подковыркой, мол, баба

дура, – пять миллионов, мол!

– Пять миллионов!.. – ошарашенно воскликнула тетя Клавдя.

– Пять, – пискнула Меркина и вдруг горько зарыдала, я даже услышал, как качается под ней старый диван с валиками по бокам.

– Дивану каюк, – тоже прислушиваясь, заметил Барбарис. – Сто раз бате твердил, пора новый купить...

– Ну, ладно, ладно тебе, Маруся, может, и обойдется, – бормотала тетя Клавдя.

– Тебе хорошо, – сквозь рыдания быстро ответила Меркина. – Твой-то Анатолий в депо получает сто шестьдесят, да еще на шабашках, а мой-то алкаш – он же фашист, агрессор, он же на все готов!..

Тут Меркина всхлипом втянула в себя все слезы и сопли и тем же приглушенным голосом, от которого бренчали кастрюли на кухонном шкафу, продолжала:

– Говорит, будет пять бронированных вагонов. В одном рубли, в другом трешки, в третьем пятерки, в четвертом десятки, а потом двадцать пять и больше!..

– Тихо!.. – зашипел я на Барбариса, потянувшегося к приемнику.

– А куда их повезут-то, Марушь? – спросила тетя Клавдя.

– Сжигать повезут, Кланюшка! Бумажки-то старые! Новые, точно такие же, напечатали, а старые сожгут! А мужики говорят – все одно, мятая бумажки или свежая, любую ото-

варят! И мой хлюст козырей с ними туда же!..

– Ох, лихие мужики!.. – простонала тетя Клавдя. – И когда они хотят?

– Не знаю, Кланюшка, не знаю!.. И кто у них заводила – тоже не знаю!.. А мой-то, слышь, после этого меня за границу утягивает!..

– В Америку?

– В Саудовскую какую-то Аравию! К Пиночету в штурмовики!..

– Тебя?!

– Да не меня, Кланька, – сам туда пойдет! Я ж его знаю! За бутылку родину продаст – изверг, враг народа, морда каторжная!..

– Слышал? – толкнул я Барбариса.

*P.S. Дорогой читатель! Сразу очинь хочу аговорить усло-
вея нашево взаимнаво деалога. Художественное произведеене
отличаеца от нехудожественнова тем, что в нем есь под-
текс, потому что в нехудожественном нет. У меня тоже есь
подтекс, но не не везде. Где есь, я буду абозначать ево галоч-
ками или крестиками. Или нет, лутшие в конце ево буду пи-
сать сам. Ведь могут неправильно понять и не напечатать,
а могут аштрофовать или вообще посадить в психбольницу,
хотя и незашто. А я еще молодой.*

Глава 3. Как мы были у Карасева

– Пошли к Кобелевым, Вовтяй, – предложил мне Барбарис, когда мы вышли на крыльцо. – Они «Иж-Юпитер» купили...

– Ну их, твои мотоциклы... – хмуро отозвался я.

– Пошли тогда к бане, – не обидевшись, снова предложил Барбарис. – Сегодня женский день, позырим...

– Дурак, что ли? – спросил я. – Там же окна закрасили. Слушай, Барбарис...

– Чего?

– Пошли в тупики к дяде Карасеву, а? Он же у Кольки Меркина собутыльник! Мы его подпоим и узнаем про ограбление денежного поезда!

– И чего делать будем потом?

Я подумал.

– Ну, посмотрим, как будут грабить...

– А чем подпоим Карасева?

– Возьмем ведро картошки из вашего погреба, а у него аппарат моментальной перегонки... Он сам и подпоится.

– Н-ну, ладно... – заколебался Барбарис. – А почему нашу картошку, а не вашу?

Самое лучшее в таких случаях – пнуть ему хорошенько.

– Дождешься ты у меня, Вовтяй... – проворчал, удаляясь к погребу, Барбарис.

Спустя пять минут он вернулся. В ведре лежала холодная, черная картошка.

– Годится, – одобрил я, и мы пошагали к станции.

– Вот уедет Колька Меркин за границу, – через некоторое время заговорил Барбарис, – и пойдет в штурмовики к Пиночету...

– Врет он все, – хмыкнул я. – И не возьмут его туда вовсе, там карате надо знать.

– Дак он знает, – возразил Барбарис. – Когда его в марте братья Криворотовы побить хотели, помнишь, как он их ногами отпинал?

– Это все фигня, потому что у настоящих каратистов есть разные пояса – черный, там, белый, красный, а у Меркина ничего нет, даже галстука.

– Купит.

– Нет, – решил я. – Он, наверное, пойдет работать на радиостанцию «Свобода». Помнишь, как он критиковать любит?

И я представил, как у нас на Сортировке зимними ночами слушают по радио далекий и изменившийся голос Кольки Меркина, пробивающийся через свист и Пугачеву.

– Тогда он про все расскажет, – рассудительно заметил Барбарис. – И про инженера Паранина, и что тетка Рыбец из столовки свиням ворует, и что дядя Дмитрий Карасев космический шпион и самогонщик, и про танки на железной дороге... И если будет война, на нас бомбу сразу и шанда-

рахнут!..

Я похолодел, представив над станцией ядерный гриб в десять раз выше старой водонапорной башни.

– Слушай, Борька, – взволнованно сказал я, – надо этих грабителей мильтонам сдать, потому что знаешь, что будет, если бомбу скинут?..

– Что? – испуганно спросил Барбарис и замолк.

– Всем ерепена крача, – горько подтвердил я.

– А если в Пантюхи овраг залезть, то, наверное, можно спастись от радиации... – предположил Барбарис.

– Ага, очень можно, – недоверчиво хмыкнул я.

– Можно! – горячо заявил Барбарис. – Надо только противогазы!

– Очень противогазы, – хохотнул я. – В них, во-первых, потеешь, а в поте и будут все консервогенные вещества, а во-вторых, в них же в глазах стекла, и во время вспышки враз ослепнешь!.. А вообще, – добавил я, – спастись можно будет только в старых карьерах, потому что там песку много. Но, самое главное, надо при взрыве крепко-крепко зажмуриться, а потом провеять всю одежду от радиации.

– И трусы?.. – опешил Барбарис.

– И трусы, – жестко подтвердил я.

– А девки?.. Они тоже?..

Но договорить мы не успели.

Впереди показался кирпичный пакгауз и ограда из железных листов. Мы пролезли в парализованную дверку и через

крапиву выбрались на насыпь. Вдоль задней стороны деревянного перрона мы пошли к паровозной стоянке. Под перроном валялись ящики, обломки кирпичей, газеты, бутылки и башмаки. Впереди показались ворота, которые охранял космический шпион дядя Дмитрий Карасев.

Вообще-то он охранял тупики, где стояло обширное вагонное хозяйство. О нем все забыли, но все равно берегли. Тут стояли, сейчас припомню, два паровоза, дрезины, платформы, цистерны, еще чего-то, короче, не помню, дофига всего. Этот тупик был обнесен забором с колючей проволокой наверху, а дядя Карасев охранял ворота.

Ворота были замечательные, железные, побитые, как рыцарский щит. На них был написан отрывок какого-то грозного слова: «...тужай!». Под ворота убегали ржавые рельсы, а дальше уже расплетались целым веером. Над воротами торчала будка с выбитыми стеклами. Карасев должен был сидеть там, но чаще он, совсем пьяный, лежал за будкой на панцирной сетке, сквозь которую проросла трава.

– Скажешь Карасеву, что тебя дядя Толя прислал, – наказал я Барбарису, поднял с земли специальный болт и загрохотал по створкам.

Через некоторое время я услышал хруст шагов, а потом скрежет засова. Карасев со скрипом приоткрыл створку и высунул лохматую голову в репьях.

– Борька? Вовка? – спросил он, увидев нас. – Вам чего?

– Батя прислал... – фальшиво залопотал Барбарис, протя-

живая ведро. – Просил, как обычно...

– Заходи! – заметно приободрился Карасев.

Заперев ворота, он перехватил ведро и свистнул своего пса Байконура, у которого были желтые, спившиеся глаза.

Мы пошагали по тропинке вдоль забора. Кругом рос чертополох и стояли вагоны. В пустое синее небо скучно торчали ободранные семафоры. Байконур молча брел за нами в высоченной траве, как подводная лодка.

– Дядь Мить, – окликнул я Карасева, – вас еще не выследили шпионы диктатора?

– Не, Вовка, – сказал он. – У них квалификации не хватает.

Мы вышли к свалке металлолома. Все здесь проржавело до дыр. Сбоку аккуратно стояла летающая тарелка дяди Карасева, очень напоминающая трактор «Беларусь», но без колес.

– Дядь Мить, – опять спросил я, – а вы правда на ней из созвездия Геркулеса прилетели?

– Правда, пацаны, – серьезно ответил Карасев, откинул кожу и высыпал картошку в специальную дырку. – Хотя может, и из Козерога. Я еще плохо в вашем небе разбираюсь.

Он залез в кабину, протер рукавом мутные циферблаты и нажал на рычаг. Затарахтел мотор. Густой сивушный дух пополз во все стороны. Байконур со стоном зевнул и лег на засаленную землю.

– А почему ваша тарелка самогон гонит? – спросил Бар-

барис, не обладавший зачатками поэтического мышления.

– Он, пацаны, в еенном двигателе как смазочное масло, – пояснил Карасев, выколачивая из ведра земляные крошки. – Раньше-то, в Козероге, я не знал, что его пьют, а здесь узнал. Двигатель мне сейчас не нужен, а эту систему я эксплуатирую.

Он поставил ведро, достал шланг, купленный в прошлом году у артельщика Полубесова за литр сивухи, и опустил его в ведро. Потом подкрутил вентиль-барашек и присел на ящик. Мы с Барбарисом тоже сели.

– А Байконур пьет? – спросил я.

– Все пьют, – ответил Карасев. – Подрастешь, и ты будешь.

Одиноко мне, пацаны, вот я Байконура и приучил.

– А как же друзья?.. – я забросил удочку насчет Меркина.

– Стараюсь в одиночку, – ответил Карасев. – Боюсь шпионов.

– Так вообще не пейте, – сказал Барбарис.

– Молодой ты еще, Борька, – грустно произнес Карасев. – Жизни не понимаешь. Для меня, может, это идейный принцип.

– Какой еще принцип?.. – буркнул Барбарис и качнулся.

Я тоже почувствовал, что все поплыло – кабина трактора собралась взлететь в созвездие Козерога, застенчиво засветившееся на небе, у Карасева неудержимо отрастали перепончатые уши и глаза вылезли на стебельках, а Байконур парил в невесомости все в той же лежачей позе.

– Такой принцип! – задиристо крикнул Карасев. – Я знаешь, кем раньше был? Знаешь?! Я лайнер-лейтенантом был, и орденов у меня висело, как у... как у... – он потряс свой ватник за грудь, – как у Гагарина!.. Я профессиональный разведчик был и повстанцев выслеживал!..

В ведро из шланга потекла тоненькая струйка.

– Выследил?.. – спросил я, плавая в сивушном тумане и уже плохо ворочая языком.

– Пацаны во мои милые, глупые!.. – Карасев обнял нас и попытался заплакать. – Да ведь их хрен выследишь!.. Они вот где-то здесь замаскировались, а где, ерепена крача, непонятно никому!..

Я с трудом припомнил, зачем сюда приперся.

Карасев дрожащими руками приподнял ведро и хлебнул через край, а потом немного плеснул в миску Байконура.

Барбарис спекся и задремал, подперев кулаком щеку и поставив локоть на колено.

– Дядя Карасев, – твердо сказал я. – Я у тебя что спросить-то пришел... – голова моя пылала. – Самое главное... Это... Ты мне скажи: повстанцы – они кто?!

– У меня знаешь, какая кв-в-валификация?.. – спросил Карасев и потряс меня за плечи. – Я с этой самогонкой так з-замаскировался... Другой агент сто лет учиться будет, как под землянина подделаться, а я уже... Уже!.. А диктатор наш галактический, ерепень крачовый и крача ерепенная, разжаловать меня хотел!..

– А у тебя... к-классификация!.. – тонко и злобно крикнул я.

– Да!.. – вскинулся Карасев. – Мне нельзя ее терять!.. И... и... – он наконец всхлипнул и прижал меня к себе, – и я ж люблю вас... Там же одни андр-роиды, выпить не с кем... Вовка, друг... Как же я там без тебя?!..

А больше я уже ничего не помню.

P.S. Я всегда говорю, что надо писать правду жизни даже в научнофантастической повести. И сдезь я напесал правду жизни, тоись ничево не узнал у Карасева, потомучто здуру закосел.

Глава 4. Как расстреляли слесаря Половинкина

Не помню, как я очутился у ворот. Они уже были закрыты, Барбарис держался за башку, а ведра с нами не оказалось.

– Вовтяй... – тихо сказал слегка зеленый Барбарис. – Я домой пойду...

– А чего?.. – с трудом поинтересовался я.

– Пойду я... – прошептал Барбарис. – Надо...

– Проваливай... – ответил я и присел на бугорок.

В голове у меня шумело, как на станции. По небу плыли противные облака. Барбарис, сторбившись, уходил под насыпью.

Напротив на путях стояла корова Бунька и глядела на меня. Она была пятнистая, как американский танк, и принадлежала старухе Чуркиной. Бунька всегда упрямо паслась на путях, а потому насмерть враждовала с Байконуром. Я подозреваю, что паслась-то на путях она назло ему. Только сверхъестественная интуиция помогала ей избегать столкновения с поездами. Но в отношении Байконура интуиция иногда не срабатывала.

Муть у меня в голове осела, и я поднялся.

Я медленно добрался до старого вокзала, обошел склады и мимо водонапорной башни бегом спустился в овраг, а потом

вскарабкался наверх и очутился на улице Мартина Лютера Кинга.

Я вздрогнул. Прямо на меня по улице шла бригада слесарей, а среди них – проклятый Николай Меркин.

Это была знаменитая у нас «меченая бригада» – бригадир Орленко, Пантелеев, Огрейко, Половинкин, Адидас Тимур-Заде, Израиль Наумович Ниппель, Колька Меркин, Копытин и Дрищенко.

Мечеными их прозвали в прошлом году. К Израилю Наумовичу Ниппелю приехал жить его брат Арон Наумович. Они всей бригадой отмечали новоселье, и Арон Наумович похвастался, что он стоматолог. Ему почему-то никто не поверил, а он разгорячился. Он заявил, что может кому угодно поставить коронку даже с закрытыми зу... тьфу, глазами. Тогда они всей бригадой побежали к поликлинике и влезли в окно зубного кабинета. Арону Наумовичу завязали глаза, и он им всем бормашиной обточил по правому верхнему клыку. Но до коронок дело не дошло, потому что ему уже все поверили. Они вылезли из кабинета обратно и пошли к Карасеву (я думаю, они хотели у него как-то играть, бегать друг за другом, потому что они говорили, что хотят «догоняться»). А утром они проснулись и языками во ртах нашарили шпеньки, которые у них остались от зуба. Они ужасно раскипятились и двинулись к Ниппелям. Потом Арон Наумович поставил им всем коронки, за что их прозвали «мечеными».

И вот сейчас меченая бригада шла по улице Мартина Лю-

тера Кинга, и я увязался за ними. Мало того, что с ними был Меркин! Этот козел Меркин, Половинкин и Огрейко шагали почему-то взявшись за руки, как в детском саду! Все это было очень странно. И вдруг я допер, что они не просто так идут, а таким манером незаметно конвоируют Половинкина!..

И это еще не все! За ними шел Адидас Тимур-Заде, который по-русски знал слов двадцать, да и то не мог связывать их никакими падежами, кроме «ерепены крачи». Адидас Тимур-Заде, который не знал, мужского или женского рода слово «пальто». И этот Адидас Тимур-Заде вдруг оборачивается на своих мужиков и говорит им:

– Собратья! Спешите! Бесценен каждый миг!

Тут я, понятно, маленько опупел, и в моей голове молниеносно вспыхнула картина тайной организации, которой у нас на Сортировке просто нечего делать, если не грабить поезд!

Я крался за ними в кустах, как Штрилиц, прятался за деревьями, обнесенными маленькими заборчиками от коз, за хлебным фургоном бежал до столовки, в которой хозяйничала злобная тетка Рыбец, и ни на секунду не упускал их из виду.

– Одумайтесь! – услышал я тихий, но полный силы голос Половинкина. – Братья, одумайтесь! Вы подняли руку на закон, на власть!

Бригадир Орленко не ответил, только Тимур-Заде отрывисто бросил ему:

– Ренегат!

Они взмыли вверх по лестнице на переходной мост, что раскорячился над железнодорожными путями, а я на четвереньках полез под вагонами снизу. За депо они резко свернули в сторону и нырнули в кусты, из которых торчал гипсовый рабочий без ноги (про ногу, конечно, я заранее знал, а снаружи травма незаметна). Я обежал скверик и увидел, как они шагают в сторону Карасевского тупика. Я почесал следом и едва успел спрятаться за угол старого гаража, когда они остановились на пустыре перед оврагом.

Огрейко и Меркин отпустили Половинкина, и слесари стали полукругом, прижав его к самому склону.

– Как бы не был жесток ваш приговор, – сказал им Андрей Половинкин, – но я говорю вам не от своего имени, а от имени закона, правоту которого, заключенную в силе, я понял так поздно. Одумайтесь, слышите меня, о несчастные!..

– Ты можешь говорить что угодно, – глухо сказал Копытин. – Но дела своего мы не предадим, как ты.

– Я начинал с вами эту опасную игру, – продолжал Половинкин. – И я был готов умереть за нее. Но теперь я понял, как далеко мы были от истины!..

– Сколько тебе заплатили, изменник? – мрачно спросил Орленко.

– То, что я сделал, не измеряется деньгами и не деньгами будет вознаграждено! – гордо ответил Половинкин. – И мне не жаль погибнуть, если кости мои лягут в основание вели-

кого дворца закона! Стреляйте в меня! Я жалею не свою короткую жизнь, а вас – преступников и злодеев! Придет время, и вы раскаетесь!..

– Собратья! – грозно обратился к слесарям Аидас Тимур-Заде. – Назовите кару изменнику нашего дела!

– Смерть, – твердо сказал Орленко.

– Смерть, – повторили Колька Меркин и Израиль Наумович Ниппель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.